

Михаил
СЕРЕГИН

**КИЛЛЕР
РЯДОМ —
к покойнику**

Вольный стрелок

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Михаил Георгиевич Серегин

Киллер рядом – к покойнику

Серия «Вольный стрелок», книга 4

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167430

М.Серегин Вольный стрелок: Киллер рядом – к покойнику; Дочки-мачехи.: Эксмо; Москва; 2001

ISBN 5-04-007205-8

Аннотация

Связываться с бабами всегда дело рискованное. А уж если они стервы и в деле замешан миллион баксов, то заключать с ними сделку значит подписывать себе смертный приговор.

Но Свиридов не лох, чтобы умирать из-за стервозных баб и кучи денег. Он совсем не лох, он – вольный стрелок, киллер высочайшего класса.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Серегин

Киллер рядом – к покойнику

Пролог

...Он сидел на паперти – согбенная, вбитая в землю фигурка, сутулые плечи, раздавленные нищетой и беспросветным, глухим осенним сумраком, который накопал в сыром промозглом воздухе и грозил поглотить все сущее.

Фонарь у самого входа в храм отбрасывал тусклые блики на вылинявшие лохмотья, темное, покрытое густым загаром морщинистое лицо и седые космы, развевающиеся на порывистом ветру.

Бомж конвульсивно сцепил пальцы и раскачивался взад-вперед, бормоча что-то нечленораздельное и пришлепывая при этом толстыми грязными губами.

Вероятно, таким образом он спасался от предночного холода, который залезал под одежду, или, вернее, то, что имело право на такое пышное наименование лет десять назад, – рылся под лохмотьями, как хитрый назойливый ворюга, высекал из позвоночника искры судорожного озноба и щедрую россыпь мурашек.

– Мня-мня-мня... – бормотал нищий, в очередной раз качнувшись назад и едва не коснувшись спиной холодеющего асфальта. – Ыф... Матвевна... ы-ыт... самыгона... самыгонт... ы-ы-ы...

По всей видимости, гласная «ы» преобладала в звуковой гамме беспорядочных лингвистических нагромождений, которые выдавал на-гора бомж.

Прохожие спешили побыстрее миновать нищего, потому как зона в радиусе двух, а то и трех метров от его особы была пропитана ароматами, от которых, вероятно, передохли бы в муках все мухи, имейся они в наличии в зимнее время года.

Но вместо мух приходилось страдать прохожим, и, хватнув глоток воздуха, пропитанного миазмами, они торопились выйти из этой зоны риска.

...Подавали редко. В основном те, кто приходил в церковь.

Бомж наскоро крестился, бормотал благодарность, из которой было можно разобрать только: «Бокх-кх... кхе-кхе... благо... балаго...слови», сопровождавшееся шипением, какое издает какой-нибудь безнадежно испорченный огнетушитель.

Из церкви вышел молодой человек лет двадцати трех или двадцати четырех, высокий, стройный, в элегантном черном полупальто и видневшейся из-под него белой рубашке с воротником-стойкой (не по погоде одет, правда?), и, оглядевшись по сторонам, пошел мимо бомжа к довольно-таки раздолбанной темно-синей «Ауди», стоявшей в нескольких мет-

рах от здания церкви.

Струя не самого ароматного запаха от уличного попрошайки попала в его узкие аристократические ноздри, он чуть поморщился, а потом, порывшись в кармане, извлек оттуда несколько мелких монет и смятую надорванную десятирублевку, не глядя на бомжа, бросил все это в распростертую на земле, словно расплющенный автомобильным колесом и временем труп птицы, рваную кепку.

Бомж одобрительно заворчал что-то, небрежно переkreстился, а затем поднял на молодого человека воспаленные, красные глаза, а потом...

– Морская черепашка-а по имени Наташка-а-а... с очками из Китая... такая вот крутая... – промычал под нос молодой человек слова из какой-то дешевенькой эстрадной песни и вставил ключ в замок дверцы «Ауди».

...Ветер рванул, захрипел, заметался в кронах стонущих зимних деревьев, полоснул тугим, упруго закрученным рукавом своим по ссутуленной спине бомжа, взвихрил лохмотья, из-под которых выпросталась рука в драной перчатке из затертого растрескавшегося кожезаменителя – и сверкнуло в этой руке что-то черное, вороненое, мгновенным взблеском своим потонувшее в складках разрастающихся сумерек...

Негромкий хлопок выстрела скатился в намытый ветром сугробик у ног бомжа, ветер закрутил и смешал этот звук с шелестом и шорохом кружащихся и загнанно мечущихся снежинок, с шорохом шин и гулом моторов пролетающих

мимо машин, с приглушенным ропотом разговоров все рдеющих прохожих.

С нарастающим в темнеющем небе высоким раскатистым звуком – словно лопнула, но никак не хотела умереть гитарная струна.

С тревожным карканьем зависших над золотым куполом храма ворон.

...Молодой человек пошатнулся, вздрогнул всем телом так, как если бы к нему приложили раскаленное железо, а потом на простреленной белоснежной рубашке под распахнутым полупальто с угрожающей быстротой проступило и начало шириться кровавое пятно.

Молодой человек поднес к нему руку и, с каким-то детским изумлением рассмотрев испачкавшиеся в крови пальцы, упал на колени, а потом – словно пробалансировав на губительно тонком, неверном канате – упал лицом вперед, прямо на литой диск колеса «Ауди».

И замер, как кукла, оборвавшая нити с кукловодом и повисшая с перебитой, как хребет, волей...

В этот момент из церкви вышла какая-то бабуля в косыночке, а за ней – огромный массивный мужчина в «телеге», стоптанных ботинках и шапке-ушанке в левой руке.

Своей затрапезной внешностью он сильно смахивал на дворника.

Семенящая перед ним бабуля прищурила подслеповатые глаза и вдруг, всплеснув руками, тонко завывла:

– Уби... убили!! Господи... что делается!! Убили!!!

Парень неподвижно лежал возле «Ауди», и снег возле него чернел от крови в накипающих сумерках. Мужик, похожий на дворника, шагнул к телу, припал на колени и вдруг сухо каркнул жутким, раздирающим горло хрипом:

– Илю... Илюха?!!

Глава 1

Кандидатура для второго отдела

– Я думаю, что необходимо подумать о замене Комедианта, – сказал развалившийся в кресле осанистый господин с острыми, мелкими чертами узкого лица и пронзительными голубыми глазами. – Некачественно работает. А, Микулов?

Упомянутый Микулов, высоченный статный мужчина лет около тридцати пяти, в идеально пригнанном по атлетической фигуре дорогом костюме, согласно качнул головой, но ничего не сказал.

– А недавно мне позвонил лично Борис Александрович и сказал, что он недоволен работой службы.

Вот тут на лице Микулова, гладком, упитанном, невозмутимом, впервые проклюнулось что-то похожее на эмоцию.

Более того, эта эмоция, по всей видимости, была – смятение. Сдержанное, отретушированное самообладанием и выдержкой, но, тем не менее – смятение.

– Лично? – переспросил он.

– Да, сам Борис Александрович.

– Ничего себе!

– Да я и сам не мог полчаса после разговора с ним отдышаться. Хотя говорил-то он коротко и спокойно.

– И он сказал о Комедианте?

– Нет, но он сказал, что если служба работает таким недопустимым образом, то надо менять ее руководство. Кардинально.

– А состав? – после паузы спросил Микулов. – И состав менять?

– Да, кое-кого придется вычистить. Обновить. Тех, кто наиболее явно засветился в некомпетентном проведении последней операции. Да... – мужчина нервно затанулся и, выпустив несколько колец дыма, продолжил: – У меня есть кандидатура шефа второго отдела. Да ты садись, Микулов, – произнес он, увидев, что у вытянувшегося перед ним парня дрогнули колени, – сам понимаешь, в ногах правды нет. Одна кривда, да и та только у кавалеристов. – Он улыбнулся своей немудреной сомнительной шутке, а потом снова переключился на серьезный, пронизанный внутренним напряжением тон: – Серьезный человек. Очень серьезный. Таких спецов в России, прямо скажем, немного. Правда, парень сейчас не в лучшей форме. Придется его, пользуясь языком гэбистов, немножко разработать, а только потом понемногу начинать вводить в курс дела и будущей работы.

– То есть как... он не из наших, Евгений Ильич?

– Нет, – на лице Евгения Ильича промелькнула мина откровенного презрения. – Не из ваших.

– Кто такой?

– В данный момент он пребывает в статусе пациента психиатрической клиники.

На лице Микулова расплылось, как жирное пятно на девственно белой скатерти, недоумение.

– То есть – психиатрической клиники?

– А вот так, – ответил Евгений Ильич. – Это я его туда упек. Да ты что, никак слышал от ребят? Пусть немножко полечится, такими кадрами нельзя запросто разбрасываться. Да и хорошая проверка на вшивость, эта психиатрическая клиника. Когда-нибудь, скажем, вот ты вызовешь у меня сомнения в твоей профпригодности – пристрою в «дурку». Там мигом раскусят, кто таков и с чем тебя кушать.

– Разговор-то не обо мне, а о вашем старом знакомом, – с неудовольствием проговорил Микулов.

– Ну да. Я его знаю уже лет пятнадцать, с тех пор, как он проходил стажировку в Афганистане и получил зачет по третьему спецкурсу стрелковой подготовки – стрельбе из снайперской винтовки.

– Зачет?

– Он сдавал зачет по снайперской стрельбе и застрелил трех моджахедов – одного с полутора километров, другого – в условиях начинающейся песчаной бури – с километра. Третьего – с трехсот метров ночью с вертолета. Если учесть, что тогда ему не было и девятнадцати, то, сам понимаешь, Микулов... он действительно не из ваших.

– Это что же за Бэтмен такой? – осторожно осведомился Микулов, бессознательно напрягая мощные бицепсы и предплечья. – А, Евгений Ильич?

– Был такой малоизвестный спецотдел ГРУ. «Капелла» назывался. В нем состояло всего четырнадцать человек. Все элитные офицеры разведки, подготовленные по мировым стандартам и выше. Милейшие люди. Хоть сейчас и смеются над легендами вокруг старого союзного спецназа типа «Альфы», «Вымпела» и так далее, но я все равно скажу: готовить кадры умели лучше, чем сейчас. Просто мне приходилось некоторое время работать вместе с ребятами из «Капеллы». Добродушные, веселые, улыбающиеся люди. Совершенно не зажатые, на «совков» не похожи. И я видел, как эти самые милые люди выполняли распоряжения своего руководства. Virtuозная работа. Все-таки как-никак – государственные киллеры. Ничего подобного нет среди нынешних дровосеков, слесарей и мясников, которым взбрело в голову оставить прежнюю профессию и направиться на переквалификацию под бодрый речитатив: я бы в киллеры пошел, пусть меня научат. Убийцы... – презрительно протянул Евгений Ильич. – Меня всегда умиляло то, что Солоника называли суперкиллером. Да какой он суперкиллер, а? Курганский мусор, которому вздумалось поиграть мускулатурой и пострелять в лошкоч, которые подставлялись под выстрел. По его раскладу выходит, что он и Сильвестра, и Отари, и еще половину серьезных людей в Москве завалил. И рейхстаг он брал, и Цезаря мочил, и Иисуса распинал. Суперкиллер! – фыркнул Евгений Ильич. – Ну откуда у него подготовка и знания?

Микулов пожал плечами, не поняв половину речи шефа, а половину прослушав.

– В общем, этот человек содержится в дурке уже месяц. Достаточно. Он вполне еще годится для работы с нами, хотя нервишки у него уже не те. Так, – Евгений Ильич открыл стол и извлек оттуда пухлую черную папку, – вот тебе, Микулов, материалы по нему.

– Но руководителем отдела... – с сомнением выговорил Микулов.

– Ознакомься и завтра поезжай, – безапелляционно перебил его Евгений Ильич и бросил папку Микулову.

Микулов открыл ее и увидел на первой странице крупную цветную фотографию человека лет тридцати с небольшим, с точеными чертами смуглого красивого лица и чуть прищуренными светлыми глазами. Твердая линия поразительно четко очерченного рта, высокий открытый лоб. Едва заметные морщины в уголках глаз.

– Свиридов Владимир Антонович, – прочитал Микулов. – Сви... да вы что, Евгений Ильич?

– А что? – невозмутимо отозвался тот.

– Это же тот самый безбашенный ублюдок, который месяц назад в ресторане...

– Совершенно верно, – холодно сказал Евгений Ильич. – У тебя хорошая память, Микулов.

– Да тут будет хорошая, когда он нашего пацана и еще троих...

– Ну так что ж, тем хуже для них. А ты когда-нибудь видел людей, которые в таком состоянии, как этот Свиридов тогда в ресторане, вырубали по полдесятка не самых слабых парней. Нет?

– Н-нет.

– Ну так вот, Микулов. Ты поедешь в «дурку» и отвезешь Свиридова на базу. Через неделю, как оклемается – ко мне. Все ясно? И чтобы никаких фокусов!

– А если ребята его в расход... – начал было Микулов, но был прерван почти что рыком, который в устах такого спокойного, выдержанного и внешне холодного человека звучал страшно:

– Не разъедай мне тут плешь, ур-род! Я не люблю повышать голос, – сказал он после значительной паузы, в продолжение которой Микулов, окаменев и потупив глаза, конвульсивно вцепился в край черной папки, – но когда я вижу, что человек упорно не желает проявлять свою понятливость или вовсе демонстрирует ее отсутствие, то волей-неволей вынужден говорить на повышенных тонах. Иди, Микулов. Жду тебя через неделю. И не одного...

* * *

– Кто без греха... пер-р-рвый брось в нее камень... – бормотал маленький тощий старикашка в жеваной пижаме, тыча лбом в пол и время от времени увеличивая амплитуду

своих движений и со всей своей дури вписываясь умственно ущербной буйнопомешанной головушкой в грязный и кем-то старательно заплеванный пол.

– Когда я встретился с Львом Николаевичем Толстым, – хорошо поставленным звучным голосом проговорил толстый мужчина с гладким широким лицом, провисшим и разменявшимся на бесформенные жировые складки подбородком, – когда я встречался с Львом Николаевичем Толстым, он сказал мне так: «Э-эх, Иван Михайлович, двое нас, писателей, на земле русской осталось! Двое! Ты, да я, да еще Антошка побоку, Чехонте который». Хор-роший, сказал Лев Николаевич, Антошка рассказ написал. «Душечка». Ду-ушевный. А как мой рассказ прочитал, так слезами горячими плакал и бородой так утирал. Бер-р-рет за душу рассказ-то! – вдруг гаркнул мужик в самое ухо только что закончившему ломать лбом пол и поднимающемуся на ноги старикашке в жеваной пижаме.

Тот повалился на бок и, щуря на «гения» подслеповатые глаза, забормотал:

– Клубника-земляника... клубника-земляника... сено-солома... Угадугу... сиропчик...

– Хор-роший рассказ, – с пафосом продолжал толстяк. – Уж утешал я Льва Николаевича, утешал. Чего плачешь? А он говорит: птичку жалко.

На кровати приподнялся мужчина неопределенных лет, небритый, с синевой под глазами и всклокоченными воло-

сами, осовело покосился на чудо-литератора и хрипло спросил:

– Что за рассказ-то... ты, Гоголь недобитый?

– Ох, птичку жалко-о, – внезапно жалостливо завопил толстяк, – писатель земли русской... Лев Ник-ко... жалко... бородой слезы вытирал... птичку...

– Что за рассказ-то?! – рявкнул небритый так, что старикашка в жеваной пижаме, уже было приподнявшийся с пола, снова повалился на грязный складчатый линолеум и обиженно забормотал что-то под нос.

– Написал я рассказ, – испуганно заморгал на небритого толстяк, – душевный. «Муму» называется. Плакал Лев Николаевич, его читаючи. Пла...

– Да заткнись ты, дятел! – грубо оборвал его небритый и отвернулся к окрашенной в бледно-голубой цвет стене, пахнущей затхлостью, клопами и почему-то кислой капустой.

Небритому мужчине неопределенного возраста, с измятым, нездорового цвета лицом, было о чем подумать.

Последний месяц его жизни прошел в каком-то бредовом тумане, пелену которого не могла разодрать даже абсолютная вменяемость – не скажу нормальность – этого человека, пятую неделю содержащегося в палате с психами, шизофрениками и параноиками.

...Нормальное существование Владимира Свиридова оборвалось великолепным августовским вечером, когда он и его лучший друг Афанасий Фокин, а также младший брат Вла-

димира Илья проматывали остатки очень даже приличного наследства, оставленного братьям Свиридовым убитым в Санкт-Петербурге дядей Анатолием Григорьевичем Осоргиным.

Глава 2

Белая горячка

– Ведь мы, в сущности, тунеядцы, – серьезно сказал Свиридов, когда они молодецки распили пару бутылок кальвадоса и коньяка и хорошо закусили это яствами, которые даже стыдно перечислять в условиях суровой российской действительности.

Хотя котлеты «Деваляй» из экологической суперкурицы, фаршированной муссом из лангустов, и какой-нибудь там омар, фламбированный в коньяке с жаренной в ликере «Куантро» клубникой, – это тоже, если хотите, часть российской действительности.

Просто куда менее бросающая в глаза, чем, скажем, торжественный парад бомжей у мусорного контейнера имени Пятнадцатилетия с начала «perestroiki».

– Почему тунеядцы? – обиделся Фокин.

Который, кстати, все эти полгода роскошествовал, чудачествовал и вообще существовал на деньги свиридовского дяди, к которым не имел ни малейшего отношения.

– А разве нет? – сказал Владимир. – Вот что ты, Афанасий Сергеевич, сделал полезного за все тридцать четыре года своей жизни?

– Так, ты мне эти философствования брось! – обиделся

Фокин. – Напился – веди себя прилично.

– Знаешь, кого ты мне напоминаешь? – продолжал злопыхательствовать Свиридов. – Обломова Илью Ильича. Только тот на диване лежал и газеткой мух отгонял, а ты лежишь в яме алкогольной деградации и отмахиваешься от возмутительных зеленых чертиков.

– Да ну тебя... моралист, мать твою!

– Так что, Афоня, придется нам родиться заново. Начинать новую жизнь. Ты метлу в руках держал?

– Это... которая у дворника?

– Вот-вот. Будешь подметать дворики и улочки за пятьсот рублей в месяц. Конечно, работа низкоквалифицированная, но кто ж виноват, что ты, кроме как отпускать грехи и спроваживать раба божьего на тот свет, ничему больше не научился.

– А ты научился? – огрызнулся тот.

– Мне-то хоть предлагали работать жиголо, – усмехнулся Свиридов и повернул голову направо: покосился на застывшее где-то там, в полумраке стенной ниши, металлически поблескивающее зеркало, оттуда в отсветах четырех выдержанных в средневековом стиле свечей мрачно наплывало застывшее холодное лицо с чеканным профилем, четко очерченными губами и властным подбородком.

– Жиголо?

– Ну да. Это так... давалка по вызову, только мужеского полу. Мне-то хоть папа и мама внешность сработали, так что

могу работать по профилю удовлетворения богатых педерастов и престарелых дам, безудержно скатывающихся в климакс.

– Чев-вво?

– А вот тебе, Афоня, кроме как дворником, иного пути и нет. На поприще метлы тебе самое место. А кем еще, сам посуди? Охранником? Так тебе сначала от алкоголизма надо вылечиться, чтобы пистолет в руках не прыгал и абстинентный синдром не морщил. Стареешь, Афоня. Глуп ты стал и толст. Глянь, экое брюхо себе отрастил, брючный ремень стонет. Твой бы живот на манер стенобитного орудия использовать. Сколько ты там, то бишь, вешишь? Сто тридцать пять? Сто пятьдесят восемь?

– Сто тридцать три, – обиженно ответил Фокин, ссутулив богатырские плечи.

– Ну вот. Как раз в дворники. Там масса нужна, чтобы на метлу налегать.

Свиридов говорил все это без улыбки, с сухой насмешкой в глазах, со скупыми металлическими нотками в пронизанном горечью и недоумением голосе, понимая, что то, как он себя ведет, – это по меньшей мере глупо, если не сказать – недостойно.

Впрочем, о каком достоинстве может идти речь, когда напротив него глыбой пустопорожнего отекающего мяса расплылся его лучший и единственный друг: пьяненький жирный амбал, насквозь пропитанный алкоголем, расслабленно-

стью и благоприобретенным ощущением никчемности и бесплодности своего существования.

А ведь был этот человек и силен, и хитер, как дьявол, и напряжен жизнью, как натянутая звенящая струна, ловящая малейшее прикосновение.

И знал себе цену.

А теперь – теперь в небольших, оплывших жиром мутных глазах Фокина, еще несколько лет назад умных и ясных, плавало, как сыр в сметане, отлакированное обидой недоумение: что это говорит Володька Свиридов?

И к чему?

К чему все это, если они вот уже полгода живут как шейхи, не отказывают себе ни в чем, и на сегодня они тоже могут позволить себе и дорогой коньяк, и ужин в ресторане, и не самых дурных девочек?

А завтра? Что завтра? *Carpe diem*, лови день, сказал великий Гораций, и слова древнеримского поэта, бесспорно, увенчали бы эмоции Фокина, как снежная шапка венчает гору... если бы не забыл давным-давно Афанасий и о Горации, и о цели житья-бытья, не забыл обо всем, кроме удовлетворения первородных инстинктов – набить брюхо, залить в глотку спиртное, лениво трахнуть бабу и завалиться спать, предварительно освежившись в сауне, джакузи или бассейне.

– Ты что, Володька? – рыхло пробормотал Фокин и налил всем коньяка анемичными, неуверенными, торопливы-

ми движениями. – Ты что?

Свиридов провел по лбу рукой и ответил:

– Белая горячка, Афоня. Наверно, просто белая горячка.

Или снова дохлая крыса зашевелилась.

– Какая еще крыса? Ты что?

– Такая хвостатая, все прогрызает подряд. А как же крысе не грызть – ей нужно стачивать зубы, а если не будет стачивать – подойдет к чертовой матери.

– Какая крыса-то?

– Ну...

– Какая крыса-то?!

– Да стыдно говорить даже... как в первом классе, честное слово. – Владимир одним глотком вонзил коньяк в глотку и договорил: – Такая мертвая крыса по имени совесть.

* * *

Никакие «мертвые крысы» не могли помешать Свиридову и Фокину прокрутить, быть может, последний роскошный вечер в их жизни по полной программе.

Илья уже давно сорвался домой, потому как почувствовал себя не очень хорошо, а Владимир и Афанасий остались в ночном клубе, в котором уже завертелась ночная жизнь, выскочили на сцену голые танцовщицы в блестках и страусиных перьях, заметались разноцветные лучи светового шоу, раз за разом выхватывая из тьмы то бессмысленно и липко

улыбающуюся физиономию Фокина, то хищно ухмыляющееся лицо Свиридова с блестящими глазами и неопределенной блаженной улыбкой на губах.

Губах, еще недавно кривившихся надуманной злобой, горечью и недоумением.

Вспомнила баба, когда девкой была, как говорится в народе...

Владимир забыл о глупой крысе-совести, философствованиях и перспективах работы дворником или там жиголо.

Он наслаждался жизнью.

– Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи... как завещал великий Эпикур, – весело говорил он сидящей у него на коленях девушке из подтанцовки, яростно терзая ее и без того скудную амуницию – «веревочные» трусики и некое подобие ожерелья, прикрывавшее голую грудь. – Правда... М-маша?

– Я Саша.

– Ну Даша так Даша, – согласился Владимир и порвал ожерелье.

– «Даша» в переводе с церковнославянского языка переводится как «дает», – отозвался Фокин. – Глагол... третьего лица... единственного числа... ф-ф-ф-ф...

– Еще бы! – фыркнул Свиридов.

В этот момент к нему подошел вежливо улыбающийся амбал из службы безопасности заведения и сказал:

– Простите, но у нас в клубе не принято сажать на колени

девушек из шоу.

– А шоу трансвеститов у вас есть? – не замедлил влезть Фокин.

Маша-Даша-Саша попыталась было соскользнуть с коленей Свиридова, но тот легко придержал ее левой рукой и громко сказал:

– Не принято? Странно. А вот в Амстердаме, помнится, есть клуб, в котором по периметру расположены прозрачные кабинки. В центре зала танцуют стриптиз, а по периметру трахаются. Хорошее местечко, между прочим. Только один минус... педерастов туда пускают... просачиваются, гниды. Я аж чуть импотентом не стал, как увидел их, понимаешь ли, копулятивные игрища...

– Я вам повторяю, что у нас не принято сажать девушек на колени прямо в зале. Вот если вы пожелали бы, предположительно...

– Да что это такое? – искренне возмущился Свиридов. – Сижу, никого не трогаю, починая примус. И еще считаю своим долгом предупредить, что кот древнее и неприкосновенное животное...

В голове Владимира что-то переклинило, и, вероятно, он еще долго бы распространялся на темы из репертуара булгаковского кота Бегемота, если бы вежливый господин из секьюрити не махнул рукой и из полумрака не выросло несколько темных фигур.

Саша-Маша-Даша трусливо пискнула и, сорвавшись с ко-

леней Владимира, упорхнула к сверкающей блесками – сработанной под красноватый гранит или в самом деле гранитной – стене и исчезла.

– Ну вот, – сказал Владимир, – как говорят, инцидент исчерпан, любовная лодка разбилась о быт... и ни к чему перечень взаимных болей, бед и оби... э-э-э! Вы че, мужики!

– Пожалте с нами, – сухо сказал вежливый господин, в то время как двое других схватили Свиридова под руки, подняли и трякнули так, что тот глупо икнул, а перед глазами феерично, как в калейдоскопе, размыто метнулась круглая сцена с неистовствующими на ней красотками и огромным полуголым негром в набедренной повязке из свисавших до коленей листьев банановой пальмы.

– Да вы че... – начал было Свиридов, но один из амбалов заломил ему руку так, что Владимир едва не прокусил от боли губу, а второй поводырь деловито выговорил:

– Тебе же три раза говорили, мужик: не беспредельничай. Жаловались уже на тебя и твоего дружка. Так нет же, похорошему не понимаешь. Придется по-плохому...

– Язык до киллера доведет, – назидательно проговорил заломивший правую руку Владимира секьюрити. – Придержи базар... Тут тебе не там.

Свиридов повернул голову так, что хрустнули шейные позвонки, и, бросив поперх коротко остриженных черепов охраны мутный, тупой взгляд, в котором бродила и уже начинала угрожающе выцеживаться наружу слепая, животная

злоба, проговорил:

– Может, немного остынете, а, мужики? Может, не надо со мной вот так... это самое...

Охранники продолжали молча тащить Владимира к выходу; Свиридов только видел, как разноцветные отблески ложатся на широкую спину впереди идущего господина, который, по всей видимости, был тут начальником службы безопасности.

Холодный озноб ненависти внезапно судорогой пронзил тело Свиридова, комкая горло, подступила жуткая, раздрающая гортань хриплая, тошнотворная ярость, – и что-то мерзкое, разрастаясь, как плесневый грибок, потянуло от желудка к голове, заливая глаза и уши, продираясь в каждую клеточку организма, даже в кончики пальцев и волос.

Владимир выпрямился и чужим, изломанным голосом каркнул чудовищное ругательство... Тряхнув руками и плечами так, что оба охранника отлетели от него, едва устояв на ногах, бросился к ближайшему столику, перевернул его и швырнул в надвигающегося на него главного охранника.

Тот с трудом увернулся, Свиридов замахнулся было вторично, но тут подоспели охранники.

Один из них, крикнув, с оттягом ударил Владимира в основание черепа, и Свиридов упал лицом на пол – и тут же получил несколько прямых ударов ногами в корпус: по почкам, по печени, по ребрам...

– А-а-а-а, бля!!! – вдруг прогрохотал под сводами клуба

раскат мощного хрипловатого баса, и Фокин, подскочив к избивающим Владимира секьюрити, отшвырнул одного ударом в челюсть, а второго, приобняв за шею, скрутил, как цыпленка... Тот пытался было вырваться, нанося удар за ударом в корпус Афанасия – но с таким же успехом он мог бы прикладываться к гранитной скале.

А с Владимиром творилось что-то странное.

Он, поднявшись, отстраненным, безжизненным взглядом окинул батальную сцену – и внезапно, выхватив из-за стола какого-то мужичонку, швырнул им в бросившихся на него охранников.

Из его горла рвался клокочущий хрип, на висках, на лбу и на шее вздулись синие жилы...

Он был страшен, как дикий зверь.

Охранники накинулись на Свиридова, как шакалы на большого, опасного, сорвавшегося с катушек льва.

Один из них подкрался сзади и бросился на спину Владимира, а потом оседлал его, крепко сжал ногами и руками и, обхватив шею, попытался было немножко придушить – но тут же получил такой удар затылком Свиридова прямо в переносицу, что громко вскрикнул, расцепил руки и упал на столик.

Свиридов обернулся. Из багровой пелены, окружавшей его, на мгновение вынырнуло чье-то перекошенное ужасом и болью окровавленное лицо – и, не дожидаясь, пока сведенный судорогой безумия мозг осмыслит, что же это он, соб-

ственно, делает, кулак уже выбросился вперед, как разжатая тугая пружина, и с хрустом врезался в уже попорченное лицо охранника.

Здоровенный мужик отлетел, как котенок, упал на пол, несколько раз дернулся – и застыл.

...Владимир не помнит ничего из того, что было дальше. Воздух словно сгустился до багрового, разъедающего глаза и кожу варева, в мозгу бурлило, и словно чьи-то длинные развязные пальцы проводили по его лицу сверху вниз, больно давя на глазные яблоки, вдавливая хрящи носа, раздирая углы рта. Свиридова словно кидало из стороны в сторону, и он уже толком не помнил, что делал и как ориентировался в пространстве.

Все сделало за него его тело...

* * *

Он очнулся на кровати, туго спеленутый и стянутый по рукам и ногам чем-то грубым и не очень чистым – судя по витающему под носом тупому, приглушенному, но тем не менее весьма неприятному запаху.

Пахнет третьесортной муниципальной больницей, – бессознательно отметил Владимир.

В голове болело и грохотало, словно ворочались гигантские жернова, между веками и глазными яблоками продирались радужные пятна с зеленоватым ободком, к тому же

тошнило, а в правом виске, как дятел, назойливо долбилась и трещала гулкая боль.

Явно не похмельная.

Он медленно, словно старая бабка – коромысло, вскинул глаза: в дверном проеме выкристаллизовался силуэт в белом халате и угрожающе надвинулся на Свиридова.

– Ну что, очухался... голубчик? – поинтересовалась волосатая очкастая голова, неряшливо прилепленная на большое, бесформенное тело.

– Это что за дела? – с трудом выговорил Свиридов, разлепив спекшиеся сухие губы. – Вы куда меня... опре... определили?

– Бывает, голубчик, бывает, – таинственно прошептала голова. – С кем не бывает. Вот на прошлой неделе главный наш, Мавлютов Алексей Леонидыч, выпимши был... с Рабиновичем Семеном Абрамовичем, из третьего корпуса медбратам. Так что ж? То же самое. Хоть и главный.

– Что – то же самое?

– Ну что? Как что? По профилю по нашему.

– Да ты... чего... какому... профилю?

– Ну, как по какому? Да ты будто и не знаешь. Бывает, голубчик. Каждый вот так... допьется и имени своего не помнит. А привезли тебя, субчика, всего в крови, невменяемого, говорят: подержите его подольше. Ну как в «Кавказской пленнице»: горячий, горячий, савсэм бэлий... э, торопиться нэ надо, торопиться нэ надо... надо вэрнуть обществу полно-

ценного члена... торопиться не надо.

– Да ты... чего?

– А ты не понимаешь? Белая горячка, голубчик. Белая горячка. На людей, говорят, кидаешься. Неаккуратно это. Судя по лицам, кто тебя привез, серьезный ты человек. Творишь какую-то, извиняюсь за выражение, х...ню.

– А где... Афоня?

– Не знаю, голубчик, не знаю. М-может, где в соседней палате пристроили. Хотя нет, тебя одного привезли.

– Кто привез-то?

– А ребята серьезные. Серьезные, – голова пошлепала губами, словно обсасывая, как леденец, веское слово «серьезные». – На джипе приехали. Порядочная машина. Да, порядочная.

Владимир хотел сказать еще что-то, но только захрипел, и волна острой, пронизывающей боли прошла через правый висок и вышла откуда-то из уха...

Глава 3

Микулов и Бородин

– А написал я «Мастер и Маргарита», так Лев Николаевич, прочитавши...

– Клубника-земляника... Угадугу... сиропчик...

– ...плакал, бородой утирался...

– Сено-солома...

Дверь распахнулась, и вошли двое здоровенных санитаров, лицом и статью смахивающих на борцов сумо.

– Свиридов... – неожиданно деликатным тенором произнес тот, который был потолще и поосанистей, – который из вас Свиридов?

Небритый мужчина у стены нехотя повернул голову и бросил:

– Ну что – Свиридов?

– Ты Свиридов?

– Я-я, – с берлинским акцентом мрачно сказал Владимир.

– Вставай, пошли.

– Да я уже был на процедурах.

– Дуры после, – вероятно, с претензией на юмор сказал санитар. – К тебе пришли.

Свиридов сел на кровати и живо спросил:

– Кто, Илюха и Афоня?

– Не знаю, Илюха он там или Афоня, но только говорит, что пора тебя к нему доставить. Давай, пошевеливайся... пациент.

Свиридов медленно поднялся.

Ноги, онемевшие, одеревеневшие и расслабленные после месячного безделья, не слушались и настойчиво не желали перемещать Владимира в пространстве.

– Да, залечили тебя, – неодобрительно сказал санитар, глядя на то, как Свиридов пошатывается на собственных ногах, словно то ходули или протезы.

...В фойе сидел не Илья и не Афанасий. Этого рослого, атлетично сложенного парня Владимир видел впервые. Когда санитары подвели к нему Свиридова, он медленно поднял на Владимира небольшие, остро поблескивающие темные глаза и прищурился, чтобы разглядеть получше.

Владимир в данный момент не тянул на супермена, красочно описанного Евгением Ильичом: небритый мужик с лицом нездорового цвета, с землистыми кругами под глазами, с анемичными, неверными движениями и синусоидальной походкой, при которой руки не попадали в такт с ногами, болтались, как пустые рукава.

– Садись, – коротко сказал Микулов. Конечно, это был именно он.

– Ты кто? – вяло поинтересовался Владимир, упав на диванчик рядом с неожиданным посетителем.

– Кто-кто? Тот, кто забирает тебя из больницы. Поехали...

герой.

– Погоди... то есть как это – забираешь? Как собачку из приюта для братьев наших меньших? Забавно. Я тебя вообще первый раз вижу.

– Второй, – отозвался Микулов. – Только ты не помнишь, как мы... несколько своеобразно... с тобой познакомились.

– Ага... значит, это ты меня сюда приволок?

– Нет, не я. Другие ребята. Но, в общем, из одной со мной конторы.

– Что за контора? Мусарня? Прокуратура?

– Почти.

– Значит, гэбэ или доморощенные мафиози. Пиво собственного слива, как говорится.

– Ну, не так уж жестко, – насмешливо сказал Микулов, пристально и не без презрения глядя на то, как кривятся в сарказме серые губы сидящего рядом с ним алкоголика из палаты, набитой двинутым по фазе отребьем.

– И куда поедем? На виселицу?

– А тебе не все равно, куда ехать из этой милой больнички? Конечно, тут уютно и контингент подобрался милый и интеллигентный, но все-таки пора и честь знать.

– А поехали, – равнодушно сказал Владимир. – Кстати, ты не знаешь, куда тогда из ресторана, где я немножко лишку хватил и погорячился... куда делся такой здоровенный жирный парень? Он вот, кажется, тоже там вместе со мной мебель ломал.

Широкие скулы Микулова закаменели, на них заходили бугристые желваки, а на висках и на шее узловатыми веревками взбухли жилы.

– Мебель ломал? – глухо сказал он. – Мебель ломал... да ты там череп сломал одному нашему парню... мозги на стену выбил, сука. Ну ладно... не буду. Поехали.

– А, теперь тебе предстоит ответный реверанс: пусть слезу и мозг на стену, – насмешливо сказал Владимир. – Ну ничего... многие собирались, но ничего путного не вышло.

– Никто тебя в расход пускать не собирается, – сдержанно ответил Микулов. – Успокойся.

– А я и не волновался. Меня вообще в этой больнице сделали спокойным, я теперь как жаба в болотце. Мне что, прямо в пижаме ехать?

– А в чем еще? У тебя здесь есть гардероб?

– А эскулапы не запротестуют?

– Ничего.

– А там, куда мы поедem, кушать дают? А то меня тут только кашей-размазней пользуют. На скипидарную мазь смахивает.

Микулов встал:

– Ладно, хорош базарить, поехали.

У входа в больницу стоял здоровенный серый джип-«Мерседес», возле которого кругами ходили двое подозрительного вида босяков в пижамах под надзором здорового хмурого санитаря.

Они хмуро воззрились на вышедшего из клиники стильного мужчину в прекрасном дорогом костюме, чисто выбритого и благоухающего французской парфюмерией, и с ним неопределенного возраста мужика с помятым лицом в точно такой же пижаме, только несколько более опрятного и здорового цвета. Он медленно брел за франтом, смотря себе под ноги с таким видом, словно видел их впервые.

Не привык ходить.

На крыле джипа значилась свежая вмятина, вероятно, нажитая совсем недавно, быть может, даже в этой поездке в больницу.

– Машину тоже я помял? – спросил Владимир тоном Шурика, виновато говорящего кавказскому милиционеру: «Часовню – тоже я... разрушил?» – «Нет, это до вас. В четырнадцатом веке».

Микулов, не ответив, открыл дверцу и указал Свиридову на переднее сиденье.

– Куда едем-то? – уже почти весело спросил Владимир.

– На базу.

* * *

Владимир прожил на этой базе неделю. Прожил более чем сносно, особенно если сопоставлять это житье-бытье с нудно и серо волокущимся, как пьяница по осенним лужам, существованием в больнице.

База представляла собой внушительный трехэтажный коттедж с подземным гаражом и даже вертолетной площадкой, обнесенной высоченной бетонной стеной.

На базе были бассейн, теннисный корт и сауна. В общем, типичный рай для новых русских.

Свиридова кормили от пуза, обращались вежливо, но очень сдержанно: постоянно чувствовалось, что в воздухе буквально разлито тяжелое, недоброе напряжение – словно чья-то могучая воля, как цепь на шее разозленной собаки, мешает всем этим людям, безвылазно сидевшим на базе, броситься на Свиридова и послать его вдогонку за своим товарищем, который попался Владимиру под горячую руку и глупо погиб в банальной ресторанной драке.

Он пару раз пытался шутить:

– А меня что, на убой кормят, да?

...Но всякий раз ответом на его слова было угрюмое молчание или – в самом крайнем случае – быстрый цепкий взгляд исподлобья.

Впрочем, ему потребовалось больше недели, чтобы понять, что к нему относятся недоброжелательно не потому, что он случайно убил их коллегу.

Неприязнь и тяжелое подозрение вызывались только одним: у начальства этих людей был какой-то особый замысел в отношении Владимира.

...Свиридов мирно сидел в отведенных ему апартаментах

и смотрел футбол, когда в комнату бесшумными шагами вошел его больничный избавитель – Микулов.

– Соберайся, – коротко сказал он.

Владимир окинул взглядом свое одеяние – тренировочные трико, майку и шлепанцы – и ответил:

– А я вполне собран. Сейчас только вот еще курточку накину.

– Ты не понял, – холодно отчеканил Микулов и бросил на диван вешалку с отличным черным костюмом и отглаженную белую рубашку. – Побрейся, умойся, переоденься – и поехали.

– А, к тому, за чей счет меня откармливают? – сказал Владимир. – А мне можно будет ему пожаловаться, что за все время пребывания тут не дали выпить ни одной бутылочки пива и не подсунули какую-нибудь ну самую заваливающуюся телку... то есть особь женского пола?

– Можно, – отозвался Микулов. – Только, я думаю, говорить будет в основном он.

– Понятно, – отозвался Владимир. – Запись в жалобную книгу отменяется.

– Тебе десять минут на сборы, – бросил Микулов и вышел.

...Свиридов подошел к огромному, от пола до потолка, чуть затемненному зеркалу и рассмотрел в нем свое по-прежнему небритое, но уже куда как посвежевшее лицо с глубоко запавшими и смотрящими все еще диковато, но уже вполне осмысленно глазами. И подумал, что, в принципе,

над ним хорошо поработали в больнице, и еще лучше поработал его собственный организм, который шеф «Капеллы» полковник Платонов нередко сравнивал с телом большой хищной кошки. Тигра, пантеры или барса. Кошки, которую можно пронзить насквозь, расстрелять в упор или раздавить камнем, но всякий раз раны на могучем теле затянутся, поползут волны неиссякаемой звериной силы по жилам, и снова – в который раз! – хищник встанет и ступит на тропу, по которой еще недавно ушел его убийца... и еще свежи его следы – свежи предательски, губительно для того, кто их оставил...

Владимир быстро привел себя в порядок с четкостью и слаженностью действий человека, которому не чужд военный порядок и для которого сорок пять секунд на полный ритуал одевания не был заоблачным ориентиром, и одновременно с вальяжностью много и разнообразно пожившего эпикурейца.

Затем хитро прищурился, глядя в зеркало: хорошо ли на нем сидит костюм? – а потом нараспев произнес сакраментальную фразу:

– Ну что ж... подлецу все к лицу.

Когда Микулов вошел вторично, свежий, бодрый, причесанный, тонко и ненавязчиво благоухающий дорогим парфюмом Свиридов с безмятежным видом сидел на диване и лениво рассматривал свое изображение в зеркале.

Микулов ничего не сказал, но видно было, что он не ожи-

дал такой разительной перемены во внешнем облике Владимира. В самом деле, он недооценил этого человека, проскочила предательская мысль, но Микулов тут же брезгливо, как поганую земляную жабу, растоптал ее и произнес:

– Быстро ты. Ну что ж... на выход.

* * *

– Ага, вот и вы, – произнес высокий мужчина в простой серой рубашке с короткими рукавами и повернулся к вошедшим в просторные покои – иначе не назовешь этот безразмерный, почти лишенный мебели зал с высокими потолками и двумя роскошными люстрами – Микулову и Свиридову. – Добрый день, Владимир Антонович. Рад вас видеть.

Свиридов буквально прокатился тяжелым взглядом по этому узкому, длинноносому лицу с мелкими чертами, мягкими скулами и обманчиво безвольным круглым подбородком.

Стоящий перед ним человек изрядно походил на какую-то нескладную злокачественную помесь Буратино и Папы Карло – но вот только в глазах тлело что-то цепкое, будоражащее, опасное...

Свиридов коротко и сдержанно кивнул человеку в знак приветствия.

– Микулов, вы мне больше не нужны, – проговорил тот и сделал небрежный жест рукой. Микулов четко повернулся на

каблуках и вышел, осторожно прикрыв за собою массивные двустворчатые двери.

– Меня зовут Евгений Ильич Бородин, – представился человек. – Да вы присаживайтесь, присаживайтесь, – и он указал Владимиру кресло напротив себя. – Прошу вас, почувствуйте себя как дома.

– Да за этим дело не станет, – отозвался Владимир, – в последнее время я сменил такое количество мест дислокации, что почувствую себя комфортно даже в мусорном контейнере. Впрочем, в больнице, в которую, по-видимому, меня поместили именно вы, я примерно и чувствовал себя, как в мусорном контейнере.

Евгений Ильич снисходительно улыбнулся.

– У вас довольно своеобразное чувство юмора, – сказал он. – Правда, вы довольно неудачно выбираете моменты, чтобы его демонстрировать, но тем не менее...

– Да, мне уже напоминали об этом, – перебил его Свиридов. – Наиболее неудачно за последнее время я пошутил в ресторане, где мне, кажется, попались под горячую руку несколько ваших людей.

Евгений Ильич постучал полусогнутым пальцем по подлокотнику кресла. Выражение его лица не изменилось, но в выразительных глазах появилось нечто такое, что не позволяло Свиридову покойно и комфортно распустить мышцы и «чувствовать себя, как в мусорном контейнере»... То есть уютно.

– Зачем вы все это мне говорите? – холодно спросил Бородин.

– А затем! Затем, чтобы вы, наконец-то, объяснили мне общедоступно, коли уж я такой непонятливый уродился... зачем все постановочные трюки с лечением от алкоголизма и заботливым недельным уходом и кормежкой от пуза... разве что памперсы не меняли...

– Не меняли? – не изменяя каменного положения в кресле, спросил Бородин.

– Нет, не меняли, и я хотел бы пожаловаться и обратиться на это ваше внимание! И вообще... я пускаю в расход ваших людей, а вы строите из себя заботливого опекуна. Так зачем я вам понадобился?

Бородин распустил свои тонкие губы в снисходительной улыбке и после паузы ответил:

– Ну хорошо, я вам скажу. В двух словах, без лирических отступлений, как вы просили. Одним словом, я хочу, чтобы вы... чтобы мы, – мягко поправился он, – возродили отдел «Капелла».

Глава 4

Призрак «капеллы»

Свиридов поднял голову и посмотрел на Бородина скорее насмешливо, чем удивленно.

– Что же вы молчите? – наконец заговорил тот. – Вы находите, что это плохая идея?

Владимир облизнул губы.

– Ну, – произнес он, – если уж вы упомянули «Капеллу», да еще в таком замечательном контексте и таким самоуверенным тоном, то позволю себе сказать: по всей видимости, вы знакомы с тем, чем занималась «Капелла», и, быть может, даже сами имели какое-то к ней отношение. Я ошибаюсь?

– Нет. Все верно. Продолжайте.

– Идея, которую вы мне тут преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой, в теории не лишена смысла... для определенных людей, разумеется... но по сути своей она отвратительна! Вот что я могу вам сказать.

– И это говорите вы? Вы, для которого человеческая жизнь стоила столько же, сколько жизнь какой-нибудь полухлопной крысы в мусорном контейнере, который вы тут с таким удовольствием и не раз упоминали? Забавно, если бы не было так серьезно.

– Я думаю, – медленно проговорил Владимир, – наш

идейный вдохновитель, можно сказать, кардинал и духовник «Капеллы» профессор Климовский не согласился бы с вами. Он решил бы, что я плохо усвоил его заповеди. Дело в том, что милейший Михаил Иосифович любил говаривать: «Помните, что этот мнимый „венец природы“, на деле являющийся лишь жалкой выродившейся обезьяной, как говорил великий Артур Кестлер, имеет права на жизнь не больше, чем клоп или таракан, нанюхавшийся мерзкого инсектицидного средства». Под венцом природы он разумел, естественно, людей.

При упоминании фамилии Климовского Евгений Ильич липко и неестественно улыбнулся – вероятно, с претензией на таинственность.

– Он действительно так говорил? Я в свое время пару раз разговаривал с профессором Климовским, и он произвел на меня впечатление образованнейшего и интеллигентнейшего человека.

Свиридов засмеялся.

– Самое смешное, что он таковым и являлся. Особенно в плане образованности. Помимо цитат из Шопенгауэра, Шпенглера и Бодлера, которые он рассыпал, как лепестки роз... он и розы очень любил, этот милейший человек... так вот, он очень любил цитировать следующее из Блока:

Пройди опасные года.

Тебя подстерегают всюду,
Но если выйдешь цел – тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,
И наконец увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на полжизни не хватило...

– Это было очень образно, Владимир Антонович, но мы отклонились от темы.

– Напротив, мы углубились и вгрызлись в нее. Как крыса в сыр, если хотите.

– То есть я так понял, вы не в восторге от моей идеи.

– Совершенно верно. И вот теперь я сам внимание.

– В смысле?

– В смысле – мне очень интересно, какие методы вы собираетесь применять, чтобы убедить меня в противном. В том, что возрождение «Капеллы» в полном или частичном объеме – это гуманное и остро насущное деяние.

– Вы сами придете к этому выводу.

– Ну-ну, – индифферентно отозвался Владимир. – Вы знаете, Евгений Ильич, «Капеллу» создал и держал под контролем настолько могущественный аппарат, что, боюсь, вам будет не под силу скопировать его. Равно как будет и не под силу найти таких исполнителей, каковые были тогда, и – самое главное – держать их под колпаком. За нами, офицерами отдела, была налажена двойная и тройная слежка.

– Я знаю. Я сам там некоторое время работал.

Свиридов задержал тяжелый взгляд на спокойном лице Бородин – словно прокатился катком асфальтоукладчика – и с выступившим легким румянцем на бледных щеках медленно произнес:

– Мне следовало бы об этом догадаться.

– Я хотел сказать, что вы недооцениваете меня и тех людей, которые стоят за моей спиной, – с жаром заговорил Бородин. Куда только девалось его ледяное спокойствие! – Я хотел сказать, что мне известно все о структуре «Капеллы», о рычагах управления ею, о каналах финасирования и сбора информации. Государство сейчас не может взять на себя организацию такого отдела. Не может, я уже убедился в этом, несмотря на то, что поговаривают: новый президент дал зеленый свет спецслужбам. Неправда! Неправда! Наше государство – жалкое и слабое подобие прежней империи.

– Вы полагаете, что все это мне неизвестно? – лениво спросил Владимир.

– Я только хочу сказать, что в нашей стране по-прежнему верно изречение Сталина: кадры решают все. У нас... у тех, кто стоит за мной, есть и кадры, и еще одна слагающая, без которой не существует ничего: деньги. Огромные, фантастические деньги. Вы, конечно, можете оценить масштаб и порядок этих сумм, но их мощь... нет, боюсь, это невозможно.

Владимир угрюмо молчал.

– У меня есть кадры, – продолжал Бородин. – Двое из тех

четырнадцать, что составляли «Капеллу». Капитан Клейменов и капитан Савицкий.

– Эти фамилии мне ничего не говорят, – холодно ответил Владимир. – Если вы в самом деле так хорошо знаете «Капеллу», то должны бы знать, что мы работали исключительно под кодовыми именами. ФИО моих бывших коллег по отделу мне неизвестны.

– Вы знали их как «Бетховена» и «Глинку».

Свиридов вздрогнул, словно к нему приложили раскаленное железо.

– Вам и это известно? – пробормотал он. – Значит, в наше время грифы «Совершенно секретно» на документах с полувековым сроком законсервирования уже совсем ничего не значат?

– Сейчас не то, что раньше... Я думаю, вы успели заметить. Ведь вы всегда были в гуще жизни... не так ли, Владимир?

– Можно сказать, что и так, – холодно сказал Свиридов. – Но вот только что вы знаете о моей жизни, чтобы вот так запросто рассуждать о ней и даже разбрасываться сомнительными сравнениями?

– Впадаете в позерство, Владимир Антонович. Что я знаю о вашей жизни? Все, – Бородин подтянул к себе лежащий на столе ноутбук, раскрыл его и пробежал пальцами по клавиатуре: – Вот, пожалуйста, Владимир Антонович. Вся ваша биография тут содержится. Надо сказать, очень любопытную жизнь вы прожили.

– Еще не прожил, – холодно сказал Владимир.

– Ну... или так. Что у нас тут о вас? Родился в семье военного тридцатого сентября одна тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Отец, Антон Сергеевич Свиридов, полковник ВДВ (воздушно-десантные войска). Убит в Афганистане в 1982 г. Мать умерла в девяностом. Вот, пожалуйста... учился в закрытой военной высшей школе при Главном разведывательном управлении. В разведшколе – три года в общем потоке, потом по распределению попал в группу «Капелла», так называемую «группу сирот». Сюда зачислялись потерявшие родственников и соответственно «отмороженные» курсанты... благо не имели на свете никого из родных и ничего святого из вечных ценностей, – откомментировал Бородин, а потом, прогладив подбородок, продолжал: – Занимательно... но из всего последующего можно сделать только один вывод: под вывеской подготовки офицеров ГРУ, сотрудников внешней разведки высокого класса готовили элитных убийц, способных выживать в самых экстремальных условиях и, главное, работать, и работать весьма успешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.